

О традициях и речевом этикете русских XVII века

(свидетельства Дневника Николааса Витсена: к 335-летию создания)

Б.А. Ларин заботился о том, чтобы «дать достоверное и широко доступное издание... важных источников по истории русского языка».¹ Такие источники - это записи русской речи иностранцами. Б.А. Ларин предвидел, что с течением времени они будут обнаруживаться и помогать пониманию истории русского языка: записи иностранцев «выгоднейшим образом дополняют и обогащают все указанные раньше отражения в нашей письменности разговорной речи».² Нам уже приходилось писать о значимости публикаций А.Н. Кирпичниковым³ отрывков из Дневника Николааса Витсена, касающихся прежде всего Псковской территории.⁴ И вот перед нами полностью изданный Дневник Н. Витсена,⁵ который только почти через 300 лет после его создания был опубликован на староголландском языке (в 1966 г.), а теперь впервые издан по-русски, в переводе на русский язык. Читатель, знакомясь с XVII веком, который явился начальным этапом становления русского литературного языка,⁶ благодаря подробным и ярким записям Н. Витсена, образованного и одаренного человека, входившего в состав голландского посольства, узнает многое о быте, традициях в разных областях жизни и об этикетно-речевых фразах русских того периода.

Несмотря на то, что иностранцев, тем более прибывших так издалека (из Голландии), не пускали самостоятельно гулять по русским городам, долго не допускали в большие города, в том числе и в Москву (цель путешествия

голландского посольства), так как боялись чумы, Н. Витсен, благодаря своей находчивости, смелости, любознательности и общительности, сумел увидеть многое и редкостное не только для иностранцев. Он пишет: «Убедившись в том, что на нашу просьбу идти куда-нибудь нам отказывают - либо прямо, либо с увертками, - я дерзнул тайком предпринять поездку в Новый Иерусалим, который строит патриарх» (с.176). Это было незабываемое и очень полезное посещение патриарха Никона. Н. Витсен «так нарядился, чтобы быть неузнанным» (с.178), поскольку даже Никону «наговорили, что... [это - Л.К.] купец, только что приехавший» (с.178). В результате встречи и общения с Никоном на века остался живой портрет патриарха. Несмотря на то, что «у этого человека нехорошие манеры, он опрометчив и тороплив, привык делать некрасивые жесты, опираясь на свой крест» (с.182), Н. Витсен сумел, помимо малопривлекательных черт, отметить авторитет этого человека («Каждый, мимо кого он проходил, бил головой о землю до тех пор, пока он не прошел» - с.178), интерес его ко всему, что творится в мире («Он расспрашивал нас о многом, о ходе нашей войны [с Англией] и о том, как отпускают нашего посла» - с.178), занятия научными делами в знаменитом скиту, «куда очень редко кто попадает»: «это каменный домик, в нем 16 комнаток, среди них две молельни... У него там и комната для научных занятий; но кроме русских и славянских книг, других я не видел» (с.182).

Уже в пределах самого города Н. Витсен умудрялся и попасть, например, в Московский Кремль, и зарисовать укрепления, монастыри во всех круп-

Костючук Лариса Яковлевна - доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Псковского государственного педагогического университета им. С.М. Кирова

ных местах, где проезжало голландское посольство (Печеры, Псков, Новгород, Торжок, Тверь, Москва и пр.).

Люди разных общественных рангов, разных национальностей привлекали Н. Витсена. Естественно, что для нас, да, видимо, и для самого дипломата и путешественника, наиболее важным было запечатлеть русских с их обычаями и традициями.

Одно из правил общения - это и почтительное обращение, связанное с обычаем «бить челом». Голландцы скоро поняли, что без этого невозможно обойтись и им, носителям других традиций. Так, если по отъезде из России Н. Витсен отмечает, что и в Риге, и в разных городах Европы приветствия посольства проходили как особые речи (в Риге советник Хелмис, ассистент, «произнес по-латыни поздравительную речь, на что посол ответил по-французски» (с.210-211); после Бремена «магистрат Бремена прислал представителя с прощальным приветствием послу» (с.216)), то в России необходимо было почтительно кланяться: «В назначенный час мы опять поджидали его [Никона - Л.К.] в монастыре, и, когда он шел в церковь, мы появились перед ним и били челом» (с.182). Важным для понимания этого этикетного обычая является следующее замечание Н. Витсена: «Здесь принято являться с низким поклоном каждое утро перед тем великим, к кому имеешь дело или просьбу» (с.182). Даже голландский посол быстро понял, что в России другие официальные обычаи: сначала, помня европейские нравы, «посол, собираясь говорить, хотел приблизиться к трону на один или два шага, но его удержали за мантию, после чего он сразу начал говорить и при каждом упоминании царского имени кланялся до земли» (с.96). Затем, чтобы подойти к руке царя (великая милость была оказана иностранному гостю!), посол сделал «три-четыре поклона, прежде чем подойти к царю, и столько же поклонов при уходе от него» (с.97).

У голландцев было желание «видеть церковные церемонии и слушать

пение» в таком исполнении, которое не каждому могло быть представлено (с.97). И в Дневнике пополняются страницы описания православного русского богослужения, в котором не все оказывается понятным Витсену, но все необычное им замечено и описано: поскольку из Евангелия «здесь редко кто умеет хорошо читать», «кто ошибался, тот за каждую ошибку бил челом»; поразило Н. Витсена «много странных причуд с поклонами и скрещиванием рук» («Никто не проходит мимо Его Святейшества без очень низкого поклона; все оказывают ему большой почет») (с.184-185).

Когда, «уловкой, оставив стрельцов и просто одетый», Н. Витсен в Москве «направился ко дворцу, чтобы его хорошо осмотреть», в том числе «и помещение царя и царицы», то он «перед Ильей Даниловичем, тестем царя», «бил челом, присоединившись к немецким офицерам, чтобы среди них ближе подойти к нему» (с.122). Пожалуй, самым непредсказуемым по результатам было челобитие перед царем, поскольку «царь тоже не шевелился, как бы перед ним ни кланялись; он даже не поводил своими ясными очами и тем более не отвечал на приветствия» (с.96). Кроме того, если даже хороший доктор впадет в немилость (рассказывал Н. Витсену царский лейб-медик), то, «хотя он часто бьет царю челом и остается лежать ниц, его никогда ничем не жалуют, кроме полагающегося ему жалованья» (с.106). И все потому, что, как ни прискорбно это узнавать нам о своей истории, «медицина никогда не была здесь в большом почете» (с.106).

Обычай челобитья полно и всесторонне описан Н. Витсеном. Зарисовывая разные ситуации (почтительного приветствия, этикетного общения при выказывании официального уважения, благодарности, извинения, просьбы и пр.), Н. Витсен фактически тонко заметил разное содержание буквального действия «бить челом» и фактического значения устойчивого выражения бить челом и единого сложного слова челобитье.

Поразило Н. Витсена и чрезмерное беспорядочное коленипреклонение, осенение себя крестом, поклоны русских во время богослужения, что он мог неоднократно наблюдать, поскольку вопросы вероисповедания, отправления православной службы русскими и перекрещенными людьми из других вер очень интересовали любознательного Н. Витсена, как и устройство церквей, монастырей. Недаром многие рисунки путешественника и ученого были посвящены как раз этой теме.

В Парижском словаре москвитов 1586 г. отмечено выражение целом бью во фразе «Я тебе за то дело цолом бью, что мне сделал» в значении 'благодарить'.⁷ В Разговорнике Т. Фенне 1607 года, составленном в Пскове,⁸ и в Словаре Т. Шrove XVI века⁹ есть устойчивое выражение бить челом в значении 'просить' («Иван тебѣ целом бьѣт, чтоб ты пожаловал, к нему пришёл» - Разговорник Т.Ф., 206), сложное слово челобитье в значении 'просьба' («Пожалуй, не ослушайся ты моего челобитья, да будь таки, одним (!) словом, ко мнѣ хлѣба ѣсть» - Разговорник Т.Ф., 227; аналогичная фраза в Словаре Т. Шrove, 48). Т. Фенне фиксирует сокращенную фразу бить челом как целом в начале предложения в функции приветствия: «Челом, мой миле нѣмчине, как тебе Бог на дорогу (милует) здорово ишедши?» (Разговорник Т.Ф., 191). Соседняя фраза «Челобитье тебѣ прислал Иван» содержит сложное слово челобитье, видимо, в значении 'приветствие'.

Достоинство Дневника Н. Витсена в том, что он живо показывает ситуации, картины естественного русского быта, когда совершаются те действия, которые могут быть названы словесным комплексом бить челом или в буквальном, исходном значении «земно кланяться, касаясь лбом земли», или в переносном значении, приведенном к фразеологизации выражения на метонимической основе, когда при использовании в речи могут еще совмещаться и исходное, и новое значения.

О других русских обычаях XVII века, замеченных и описанных Н. Вит-

сеном, как и другими иностранцами, бывавшими на Руси, в частности в Пскове, может быть разговор в специальных статьях.

Сейчас только несколько свидетельств Н. Витсена, касающихся языковых особенностей у русских и при общении с русскими. Поскольку у Н. Витсена русские спросили его имя и имя его отца, то он «приобрел имя - Николай Корнельевич», так как «ни к кому не обращаются по фамилии, а только по имени и отчеству» (с.101). И автор Дневника справедливо заметил, что «самых знатных людей страны при обращении называют только своим собственным именем и именем отца» (с.101).

Не раз Н. Витсен отмечал, что отношения между людьми портятся из-за многочисленных доносов (официальных, почти традиционных, и частных, иногда по недоразумению или по ошибке). Поскольку камнем преткновения во время голландского посольства было признание (непризнание особого титула за «Высокогогущественными Генеральными Голландско-Нидерландскими Штатами», то голландцы «попали в немилость царя» из-за того, что «посол сказал, что не *может* принять подобную грамоту, а перевели, будто он сказал, что не *хочет* ее принять, что здесь звучит весьма обидно» (с.137). Тонкости модальных глаголов при неточности перевода привели к серьезным международным осложнениям.

Внимательное прочтение удивительного Дневника Н. Витсена позволяет обнаружить идиоматичные выражения, идущие и от русского языка, и от голландского. Описывается очередная сцена горячего спора о могуществе каждой из сторон. Русский выражает удивление, что посол «отказывается от того, от чего не отказывался даже римский император или любой принц в мире». И даже как будто с опасением «еще князь добавил, что у него только одна голова на плечах» (с.100). (Эту русское выражение надо понимать как предупреждение о том, что необходимо быть осмотрительным, излишне не рисковать; ср. в современном русском языке фразеологизм о

двух головах в значении 'о ком-л. неосмотрительно смелом, рискующем головой (жизнью)'.¹⁰) В ответ на это «посол повторил то же самое» (с.100), что означает, что он воспользовался русской идиоматикой для передачи аналогичной мысли.

Персы, принятые голландцами с большими трудностями у себя в гостях из-за того, разрешат или не разрешат русские этот прием голландцам на их посольском дворе, произвели впечатление воспитанных людей. Поэтому, вопреки тому, что «их старцы никогда не пьют вина», персы, проیزнеся «тост за здоровье» голландских «Высокогогуществ», «в знак вежливости выпили до ногтя» (с.117). (Т.е. 'полностью, до конца'; ср. в примечании-комментарии: «В доказательство того, что кубок выпит, его переворачивают, и последняя капля падает на ноготь».¹¹ Ср. русский обычай переворачивать чашку при отказе от дальнейшего чаепития.) Такой фразеологизм (до ногтя), судя и по другим источни-

кам, неизвестен ни современному языку, ни русскому языку XVII века. Описываемый обычай характеризует, видимо, голландскую действительность, но в переданной ситуации оказался понятным как образное выражение, хорошо отражающее традицию.

Н. Витсен сумел создать выдающийся памятник середины XVII века, в котором показан быт, традиции, этикетные формулы русских. Верующий человек, как и любой иностранец прошлого, отправлявшийся на Русь, Н. Витсен обращался к Богу, чтобы его предприятие в чужой стране увенчалось успехом. Ср. в Разговорнике Т. Фенне такие фразы: «Молися Богу завсёду - он умѣет тебѣ даст (!)» (198); «Первой я то слово не умѣл молвить, слава Богу, нынѣча я умѣю говорить» (198).

И Николаас Витсен с облегчением заканчивает свой Дневник-подвиг: «12 августа в сохранности приехали домой, за что должны благодарить Бога» (с.217).

Примечания

1. Парижский словарь московитов 1586 г. по рукописи Парижской национальной библиотеки / Перевод, исследование и комментарии Б.А. Ларина. Рига: Латвийск. ун-т, 1948. С.5.
2. Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С.174.
3. Кирпичников А.Н. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб.: Славия, 1995.
4. См.: Костючук Л.Я. Об иностранном источнике для истории русского языка и быта XVII века (Псковская земля в описании голландского ученого и путешественника) // Научно-практический, историко-краеведческий журнал «Псков», 1998, № 8. С.46-50.
5. Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664-1665 / Пер. со староголландск. В. Трисман. Рисунки и гравюры с рис. Н. Витсена. Коммент. СПб.: Симпозиум, 1996. [В дальнейшем в тексте статьи цитаты из этого памятника сопровождаются указанием в скобках страницы].
6. Б.А. Ларин писал: «Начальный этап образования национального русского языка (устного и письменного) мы относим к длительному промежутку со второй половины XVI в. до середины XVIII в. ...неоспоримо: 1) что формирование русского национального языка требовало ряда столетий, 2) что в XVII в. мы уже имеем явные проявления его характерных признаков, 3) что заканчивается этот процесс только в XIX в.» (Ларин Б.А. Указ. раб. С.166.)
7. Парижский словарь московитов... С.64.
8. T. Fenne's Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. Copenhagen, 1970. [В тексте статьи после примера указывается страница подлинника.]
9. «Einn Russisch Buch» T. Schrouego: Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz. II. Kraków, 1997. [В тексте статьи после примера указывается страница подлинника].
10. Словарь русского языка. Т. I. М.: Русский язык, 1981. С.326.
11. Комментарии // Витсен Н. Путешествие в Московию... С.241.